

Образ Платона Каратаева

Один из ключевых образов романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», отразивший размышления писателя об основах духовной жизни русского народа. Каратаев — крестьянин, оторванный от привычного жизненного уклада и помещенный в новые условия (армия и французский плен), в которых особенно ярко проявилась его духовность. Он живет в гармонии с миром, с любовью относится ко всем людям и ко всему, что происходит вокруг. Он глубоко чувствует жизнь, живо и непосредственно воспринимает каждого человека. *Каратаев в изображении Толстого — образец «естественного» человека из народа, воплощение инстинктивной народной нравственности.*

Платон Каратаев показан в основном через восприятие Пьера Безухова, для которого стал «самым сильным и дорогим воспоминанием». Он сразу произвел на Пьера «впечатление чего-то круглого», уютного: «вся фигура Платона в его подпоясанной веревкою французской шинели, в фуражке и лаптях, была круглая, голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которые он носил, как бы всегда собираясь обнять что-то, были круглые; приятная улыбка и большие карие нежные глаза были круглые» (т. 4, ч. 1, XIII). Само присутствие Каратаева в бараке для пленных создавало ощущение уюта: Пьера заинтересовало, как он разувался и располагался в своем «благоустроенном» углу — даже в этом «чувствовалось что-то приятное, успокоительное и круглое».

Каратаев выглядел очень молодо, хотя ему, судя по его рассказам о былых сражениях, было за пятьдесят (он сам не знал своего возраста), казался физически крепким и здоровым человеком. Но особенно бросалось в глаза «молодое» выражение его лица: оно «имело выражение невинности и юности». Каратаев постоянно занимался каким-то делом, что, видимо, вошло у него в привычку. Он «все умел делать, не очень хорошо, но и не дурно». Попав в плен, он, казалось, «не понимал, что такое усталость и болезнь», в бараке он чувствовал себя как дома.

Голос Каратаева, в котором Пьер находил необычайное «выражение ласки и простоты», — «приятный и певучий». Его речь порой была бессвязной и нелогичной, но «неотразимо убедительной», производившей глубокое впечатление на слушателей. В словах Каратаева, как и в его облике и поступках, было «торжественное благообразие». В манере говорить отразилась текучесть его сознания, изменчивого, как сама жизнь: «Часто он говорил совершенно противоположное тому, что он говорил прежде, но и то и другое было справедливо» (т. 4, ч. 1, XIII). Он говорил свободно, не делая для этого никаких усилий, «как будто слова его всегда были готовы во рту его и нечаянно вылетали из него», пересыпал свою речь пословицами и поговорками («от сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся», «где суд, там и неправда», «наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету», «не нашим умом, а божьим судом»).

Каратаев любил весь мир и всех людей. Его любовь была всеобщей, неизбирательной: он «любовно жил со всем, с чем его сводила жизнь, и в особенности с человеком», «с теми людьми, которые были перед его глазами». Поэтому «привязанностей, дружбы, любви» в обычном понимании «Каратаев не имел никаких». Он глубоко чувствовал, что жизнь его «не имела смысла как отдельная жизнь», «она имела смысл только как частица целого, которое он постоянно чувствовал» (т. 4, ч. 1, XIII). Короткая молитва Каратаева кажется простым набором слов («Господи, Иисус Христос, Никола Угодник, Фрола и Лавра...») — это молитва обо всем живущем на земле, которую возносит человек, обостренно чувствующий свою связь с миром.

Вне привычных условий солдатской жизни, вне всего, что давило на него извне, Каратаев незаметно и естественно возвратился к крестьянскому укладу жизни, облику

и даже манере говорить, отбросив все чуждое, насильно навязанное ему извне. Крестьянская жизнь для него особенно привлекательна: с ней связаны дорогие воспоминания и представления о благообразии. Поэтому и рассказывал он преимущественно о событиях «христианского», как он его называл, быта.

Каратаев умер так же естественно, как и жил, испытывая «тихий восторг» и умиление перед великим таинством смерти, которое ему предстояло. Рассказывая уже не в первый раз историю о безвинно пострадавшем старом купце, он был полон «восторженной радости», которая передавалась и окружающим, в том числе Пьеру. Каратаев воспринимал смерть не как наказание или муку, поэтому на его лице не было страдания: в нем «светилось» «выражение тихой торжественности» (т. 4, ч. 3, XIV).

Образ Платона Каратаева — образ крестьянина-праведника, который не только сам жил в ладу с миром и людьми, восхищаясь любым проявлением «живой жизни», но и сумел воскресить зашедшего в духовный тупик Пьера Безухова, навсегда оставшись для него «вечным олицетворением духа простоты и правды».